

МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
К.В. АРАНОВСКОГО ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ПУНКТА 7 ЧАСТИ ВТОРОЙ СТАТЬИ 29, ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТЬИ 165
И ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 182 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАН
А.В. БАЛЯНА, М.С. ДЗЮБЫ И ДРУГИХ

Не вступая в разногласия с выводами, изложенными в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, полагаю существенным нижеследующее.

Конституционный Суд Российской Федерации решил поставленные по делу вопросы общим образом - в пределах оспариваемых положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и не вдавался слишком далеко в область фактов, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации решает вопросы права и воздерживается от установления фактических обстоятельств в случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (части 3 и 4 статьи 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Тем не менее в описании поводов принятия дела к производству Конституционный Суд Российской Федерации должен был описать фактическую канву и определить обстоятельства, в которых поименованные законоположения стали спорными. Даже из этого краткого описания несложно представить состоявшийся случай, не говоря уже о материалах, которые в описании не вошли, но также приняты Судом во внимание.

Речь о том, что при недостатке качественных доказательств следствие выделило из дела (по обвинению в хищении) отдельное производство и перенаправило преследование так, что под следственные действия попала профессиональная защита обвиняемых (адвокаты). Это позволило провести в адвокатском образовании многочасовой обыск с изъятием документов и предметов (электронных носителей), связь которых с объявленными поводами и целями обыска не всем показалась очевидной. Судя по материалам дела, искали доказательства уплаты денег, перечисленных адвокатам как вознаграждение (не в такой, между прочим, сумме, чтобы она не была похожа на обычный гонорар). "Следы" безналичного платежа, как известно, ищут в платежных документах (бумажных и электронных), которые (и это общеизвестно) совершаются не в одном экземпляре. Если их не взять у плательщика (кстати, почему не там, где случилась растрата?), то запросить (изъять) их в банке вряд ли сложнее, чем коллективно часами искать бумаги, которых обычно никто не прячет. Следствию, однако, нужен был именно обыск (даже не выемка) на самом дальнем конце платежной операции - в адвокатском образовании. Заодно и как будто попутно оно получило доступ к адвокатским производствам с конфиденциальной информацией, в том числе по делам посторонних лиц, не вовлеченных в уголовное дело, по которому состоялся обыск.

Конституция Российской Федерации ставит под защиту презумпцию невиновности, право не свидетельствовать против себя и своих близких и подобные иммунитеты, включая врачебную, адвокатскую тайну, которая в цивилизованном правопорядке так же бесспорна, как, например, тайна исповеди. Следствию и обвинению, если они согласны оставаться в конституционном правопорядке, полагается терпеть связанные с этим ограничения и запреты, какие бы государственные интересы ни имели в виду следователи, дознаватели и обвинители. Нельзя жертвовать конституционными правами лишь потому, что следствие в чем-то уверено и решило твердо стоять на своем, тем более из досады, когда не хватает законных средств, чтобы доказать убежденные подозрения. Конституционные иммунитеты нельзя ставить под угрозу ради начальствлюбия и азарта с претензиями на непогрешимость следствия, где его "полноту, всесторонность" и прочие успехи овеществляют обвинительный результат и похвальная отчетность.

Случаи, подобные делу заявителей, даже если в них нет формального нарушения, ставят адвокатскую тайну под сомнение и создают, по выражению ЕСПЧ, "замораживающий эффект" в осуществлении прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь. Они дают гражданам поводы колебаться в доверии адвокатуры и в готовности поручить свои секреты защите, которую плохо защищает закон. И у защиты есть поводы беспокоиться о том, чтобы не раздосадовать следствие и чтобы оно при случае не обратилось против нее самой и против ее доверителей. Тогда останется лишь надеяться, что адвокат с этими рисками справится и поведет себя добросовестно и решительно, как велят ему долг и профессия.

Было бы лучше, конечно, чтобы адвокатура сама вела себя безупречно, не давая поводов обсуждать, насколько она справляется со своим делом. Но это общее замечание к случаю заявителей, по-видимому, не относится, и учесть его можно лишь отвлеченно, тем более что в правопорядке нет ничего безупречного. Силу свою он берет не в том, что все в нем идеально, а в том, что он справляется с отклонениями. Изъятия в деятельности адвокатов во всяком случае не оправдывают ослабление конституционных гарантий адвокатуры. Напротив, пока конституционный статус адвокатуры недостаточно защищен, в частности соблюдением правил адвокатской тайны, она не сможет уверенно поддерживать профессиональные стандарты.

Таким образом, состоявшийся случай позволяет обсуждать риск злоупотреблений со стороны следствия (дознания) и нарушения конституционных прав граждан. Не напрасно Конституционный Суд Российской Федерации не только постановил пересмотреть дело заявителей, но и определил дополнительное, по сути, ограничение в проведении обысков адвокатских образований. Обязательным условием такого обыска Суд поставил точное наименование объектов, предназначенных к отысканию (изъятию), которые должны быть указаны именно в судебном постановлении. Это значит, что законный обыск в адвокатских образованиях возможен лишь с предварительным судебным контролем, а без разрешения суда его нельзя провести даже в тех исключительных случаях, когда его производство, по мнению следствия, не терпит отлагательства (часть пятая статьи 165 УПК Российской Федерации).